

Александр Иулианович, что для вас самое главное в работе?

Профессионализм. То есть профессиональный ответ на любую творческую задачу. Есть такие, я бы сказал, опереточные художники, которые ждут Музу, пьют вино, крушат свои произведения, мучаются из-за того, что нет вдохновения или что-то не получается. Мне это чуждо. Помните, писатель Юрий Олеся сказал: «Ни дня без строчки». А я говорю: «Ни дня без глины». И стараюсь организовать свой рабочий день: чтобы инструменты были на месте, освещение было хорошее, мобильный телефон выключен... Я решительно против так называемого художественного беспорядка, когда нельзя найти ни молотка, ни гвоздя, когда рядом со строительным раствором - бутылка вина, батон хлеба и банка шпрот. В таких условиях ничего путного создать невозможно.

Есть горе-художники (или скульпторы), которые всю жизнь мечтают что-то сделать, но не делают. Во времена Советского Союза многие из них говорили: «Если бы нам дали возможность сделать то, что хотим, - мы бы сделали». А я в те времена сделал и преподобного Сергия Радонежского, и Феофана Грека, и Даниила Черного, и Дмитрия Донского (серия «Корни России»). Конечно, были проблемы с показом этих вещей. Как и у Андрея Тарковского были проблемы с показом фильма «Андрей Рублев»... Но вот наступили новые времена, появилась возможность творить свободнее - а те горе-художники и в новых условиях ничего не сделали. То есть слова и дела для них совершенно разные понятия.

Вот почему профессионализм в нашем непростом деле очень важен. В скульптуре художник сочетается с мастеровым, ремесленником, потому что надо уметь что-то делать руками. Ведь не зря же скульпторы, как правило, ребята здоровые и с руками. У меня есть несколько друзей - так они работают и в камне, и в дереве, и в других материалах.

Скульптура - вещь довольно сложная: тут нет сюжета, цвета, текста, музыки. Поэтому фигура, которую создает скульптор, должна иметь эмоциональное наполнение. Возьмем Бельведерский торс: нет ни головы, ни рук, ни ног, но он излучает огромную энергетику. Моя задача - путем сочетания форм, сечений, своих приемов сделать так, чтобы вещь излучала энергию. Это дело весьма загадочное - никогда не знаешь, получится у тебя что-то или нет. Бывает, произведение сделано идеально - по пропорциям, по другим каким-то признакам - и выполнялось оно долго, но... не несет эмоционального заряда. А бывает так, что вещь сделана вроде небрежно и быстро, но заряд несет. Тут - загадка.

Я не являюсь поклонником ложного пафоса, которого предостаточно в скульптурах так называемого социалистического реализма. С одной стороны, есть клише (одинаковость), а с другой - ложный пафос, когда намеренно увеличивается шея, грудь, ключично-сердцевидные мышцы. У Ленина рука обязательно протянута вперед, грудь высокая. Да и не только у него - все фигуры тех времен показывают куда-то вперед, позы у них какие-то странные. Поскольку то, что я сейчас делаю, является тоже реализмом и фигуративным искусством, то мне нужно было найти принципиальное отличие от тех скульптур. Мне кажется, я его нашел - оно в сдержанности. Не нужны внешнее размахивание руками, горящий взгляд, а нужно внутреннее наполнение.

Вы начали говорить о специфике работы скульптора. Большая часть людей об этой специфике знает очень мало...

А по-моему, чаще ничего не знает. У многих такое представление о скульптуре (во всяком случае об известном скульпторе, так как неизвестных скульпторов по телевизору не показывают): безукоризненно, со вкусом одетый человек рисует на бумаге какие-то эскизы, а может быть, маленькие, десятисантиметровые будущие фигуры. И все! На этом его работа, по их мнению, заканчивается. Они думают, что ко всему остальному (от эскиза до готового памятника дел непочатый край) скульптор никакого отношения не имеет.

Настоящих профессионалов очень мало, поэтому многие страны, в том числе и Россия, изобилуют отвратительными скульптурами. Их делают дилетанты. Я ставлю перед собой цель, чтобы каждая моя скульптура, где бы она ни стояла - в России, Сирии, Испании или Швейцарии, - делала человека лучше, заставляла его задуматься о смысле жизни.

Ваша последняя работа - памятник государю императору Александру II, который недавно был поставлен у храма Христа Спасителя. Этот памятник считают творче-

Александр Иулианович Рукавишников - народный художник России, действительный член Академии художеств, профессор, заведующий кафедрой скульптуры Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова. Продолжатель династии знаменитых русских скульпторов. Профессионально занимается скульптурой с 1970 года. Его произведения установлены в России, Черногории, Швейцарии, Южной Корее, Испании, США, Дании, Сирии. Женат, двое детей: Филипп (30 лет), Наташа (12 лет).



Александр РУКАВИШНИКОВ: Я РАД, ЧТО ЖИВУ В ТАКОЕ ВРЕМЯ

ской удачей. Удалось донести до зрителя большую внутреннюю духовную силу государя, масштаб его личности. Открытие памятника стало явлением в культурной жизни России. Как вам удалось показать внутренний мир государя, его стремление сделать Россию могучей державой?

Это может быть и вопросом, и утверждением. Ведь я не знаю, удалось мне это выразить или нет.

На мой взгляд, удалось. До сих пор я даже не представлял, что это можно передать языком скульптуры.

Объяснить словами, боюсь, не удастся. Это какой-то заряд... Недавно я прочитал статью, в которой автор-женщина говорит, что в моей скульптуре очень хорошо проработаны руки в перчатках, хорош мундир, а на мундире хороши пуговицы, - и вот из этих деталей, на ее взгляд, и складывается образ государя. Смешно? Конечно! Как решается творческая задача - это тайна, секрет за семью замками.

Перед нами предстает патриот России. Он сделал для нашего Отечества очень многое: отменил крепостное право, закончил кавказские войны, провел судебную и другие реформы, чем оздоровил народную жизнь. Своим памятником вы как бы сказали современному правителю: «Вот как нужно служить России!»

Я, честно говоря, имел это в виду, когда создавал памятник. За годы большевизма в нашей стране сложился негативный образ государей - они и кровопийцы, и о народе нисколько не заботились, и несли России одни беды и несчастья. Одной из своих задач я считал разрушить такое представление о наших православных царях... Я редко хожу смотреть свои произведения. Но недавно, проезжая мимо храма Христа Спасителя, остановился, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится памятник: нет ли там потеков, так как он создавался зимой. Был будний день; я думал, там никого не встречу, а увидел толпы людей: одни клали к памятнику цветы, другие фотографировали, третьи просто рассматривали скульптуру.

Я знакомился с памятником на второй день после его открытия, и люди уже были. А потом пошла молва, и москвичи, да и не только, потекли к памятнику рекой. Памятник стал одним из самых лучших в столице. А люди соскучились по настоящим произведениям искусства. Причем памятник появился очень вовремя, он несет

мощный патриотический заряд. Россия была и остается великой державой, но держава сильна только тогда, когда каждый русский человек заботится о ее спасении и отстаивает правду.

Спасибо на добром слове.
Недавняя ваша работа - памятник святому апостолу Павлу - уехал в Сирию. Расскажите о нем.

Когда я начинаю работать над скульптурой, то стараюсь как можно больше узнать об эпохе, в которую жил тот или иной человек, его биографию, характер... Все это составляет фундамент будущего монумента. Так было и здесь. Первоверховный апостол - один из самых великих православных святых, который обратил к Христу множество народов, который своими пламенными посланиями и сейчас помогает людям жить праведно. А как он стал апостолом? Это же явное чудо! И как это отразить в скульптуре?

Бывает, в прекрасном ландшафте строят уродливый дом, и он портит всю картину, созданную Творцом. А вот церковь, построенная на возвышенном месте, освещает всю местность, наполняет ее духовным содержанием. Так и удачная скульптура, где бы она ни была, улучшает мир. Добиться этого чудовищно трудно, но стремиться к этому надо. Потому что плохая скульптура засоряет психосферу. Это мусор. Такого мусора - фильмов, книг, музыки, театральных постановок - увы, гораздо больше, чем хороших вещей. Но если книга стоит на полке и ты можешь ее не открывать, то скульптура на площади мозолит глаза, хочешь ты этого или не хочешь. Вот почему скульптор должен чувствовать особую ответственность за свою работу. Ну а уж когда он предлагает свою вещь в другую страну, ответственность возрастает, на мой взгляд, в геометрической прогрессии.

Что касается Сирии, то она произвела на меня очень приятное впечатление: люди открытые, искренние, добрые, и я был очень рад, что скульптура апостола Павла им понравилась.

Мы живем в особое время, когда, на мой взгляд, художник должен чувствовать особую ответственность перед Отчизной...

Я рад, что живу в такое время, когда храмы не взрывают, а восстанавливают. Созидать - вот правильный подход к искусству.

Подчас в искусстве возникали течения, которые вели в тупик. Странники их были

«изобретателями», сознательно шокировали публику. Я частенько бываю на международных выставках - в Италии, Германии, других странах. И что я там вижу? Зритель ходит по выставке, как по парку культуры. Зайдя в тот или иной павильон, он не знакомится с произведениями, а смотрит, в чем заключается аттракцион: здесь идет дым, там стену красят...

В мировой культуре (Греция, Китай, Индия, Египет) за всю ее многовековую историю были великие взлеты творческой мысли. В России, например, отмечу серьезные резные деревянные скульптуры. В XX веке их делал скульптор Цаплин (в Третьяковке есть несколько его вещей). Многие скульпторы того времени скользили по поверхности, занимались жалким имитированием природы, а произведения Цаплина поражают глубиной замысла и совершенством исполнения. Над ним издевались, потому что не понимали его, он бедствовал и умер чуть ли не от голода. Но такие взлеты культуры являются для меня некими «островами», и свое искусство я меряю по этим «островам», а не по конъюнктурщикам.

Вы давно и плодотворно работаете в своем институте с молодежью. Что для вас главное в воспитании новых талантов?

Мы должны воспитывать патриотов. Этим нужно заниматься постоянно, но у нас этому уделяется очень мало сил и внимания. В Америке, к примеру, этим занимаются очень активно. А наша молодежь сейчас мало читает, мало работает над собой. Вокруг много соблазнов - телевизоры, компьютеры, машины, игровые залы. Должен честно сказать, что я не удовлетворен знаниями студентов. А ведь это серьезный художественный вуз! Правда, есть ребята ответственные, удивительно целевые.

Можете их назвать?
Илья Феклин, Дмитрий Губанов, Виталий Шанов, Алексей Благовестнов. Это очень способные люди, они активно работают и добиваются серьезных результатов. У нас с ними тесное творческое сотрудничество.

Ученики должны видеть, как мастер держит инструмент, я уж не говорю - как он им владеет...
Очень важно, когда ученик видит создание произведения - от начала и до конца. Это меняет годы и годы теоретического обучения. Вообще процесс обучения очень сложен. Довести до определенной черты

ремесла легко, а вот чтобы ученик стал настоящим художником - трудно. И очень хорошо, когда ученик обгоняет учителя...

Иногда бывает так: объясняю ученикам что-то, а потом говорю: «Забудьте об этом». Потому что есть пора ученичества, но потом наступает пора зрелого мастерства, когда творения художника должны быть окрашены его собственным «я». Музыкант не может всю жизнь играть одни гаммы - наступает период, когда он сочиняет собственную музыку.

Но ведь кроме профессионализма педагог формирует в учениках и другие качества. Что для вас главное при этом?

Искренности! В отношениях друг с другом, с преподавателями, со всеми, с кем сводит жизнь. И конечно, искренность в искусстве. Меня раздражает замусоренность пространства плохим искусством. Когда на каждом шагу висят плохие рельефы, а внутри домов - безобразные панно, кашпо, напольные вазы из керамики. Искренний художник ничего такого себе не позволит.

Не секрет, что многие художники в наши дни забыли о совести, ринулись за деньгами...

Ринулись, это верно, но, к счастью, не все. Я знаю немало честных художников, которые живут бедно, но за деньгами не гонятся.

Вы часто ходите в храм?
Нет, не часто. Не могу сказать, что я воцерковленный человек. Хотелось бы чаще в храм почаше, но пока не получается...

Жаль. Вы как художник сильно бы прибили...

Тут я не соглашусь с вами. Потому что начинается переломление веры в искусство. У меня много тем, начиная с языческих и кончая православными, много творческих лучей. А тут один луч окрепнет, а другие угаснут.

А что у вас наболело, о чем вы хотели бы еще сказать?

Меня раздражает сосредоточенность средства на развитие культуры, в культуре подчас мало разбираются. В результате процветает дурной вкус. В свое время в Европе кто-то сделал фонтан с писающим мальчиком - и все стали делать писающих мальчиков. Вроде бы никакой беды, но на самом деле это страшно. У людей создается впечатление, что писающий мальчик да кладбищенский бюст - это и есть скульптура. Иногда я бываю в домах так называемых новых русских и вижу безвкусную мебель, пошлые картины на стенах, безобразные статуэтки. А ведь все это привезено из-за границы, стоит немалых денег...

Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

Дочка еще маленькая, о ней рано говорить. А сын уже человек зрелый, хорошо знает литературу. Владимир Набоков, известный писатель, - наш родственник. Его мама - Елена Рукавишниковна. А Иван Рукавишников, брат моего деду, - поэт, имажинист, многие известные люди писали о нем. Анастасия Цветаева написала так: «Это был самый рассеянный человек из всех людей, каких я только встречала в своей жизни».

Ваш сын Филипп - тоже поэт?

Нет, он пошел по моим стопам. Слепил дипломную работу «Владимир Набоков», мы вместе установили ее в Швейцарии, где он жил и умер - в Мантре. Когда мы приехали на открытие памятника, то ночевали в номере, где жил писатель. У Филиппа уже была собственная выставка в Академии художеств, сейчас он готовит следующую.

Сейчас в нашей отечественной скульптуре наблюдается интересное явление: Октябрьская революция дала какие-то новые всходы, но после все было остановлено. Художникам ничего не оставалось, как копировать натуры. Благодаря этому не была утрачена реалистическая школа рисунка, живописи, скульптуры, которая, к сожалению, исчезла во всем мире. Россия является своеобразным оазисом, где это сохранилось. И педагогический коллектив нашего института бережно сохраняет эту традицию, старается найти ей какое-то новое русло, не теряя корней. И у нас растет замечательная смена.

Что касается мировой скульптуры, то она потеряла много великих мастеров в 80-е годы. А новой волны нет. Сейчас появилась дурная тенденция: совмещение скульптуры с дизайном, некий гибрид. Проповедуются довольно примитивные идеи. А хочется увидеть что-то новое, сильное...

Мы живем в трудную пору: суеда повседневная, времени катастрофически не хватает...

Я стараюсь как можно чаще работать за городом, где суеда поменьше. Там у меня небольшая мастерская, а рядом, в городе Солнечногорске, строю литейку. За городом и дышится посвободнее, и новые идеи чаще возникают...

**Беседовал
Николай КОКУХИН
Фото автора**